

ске и на этой основе позже были созданы НИИЭВМ; академические подразделения, конструкторские бюро. Поэтому, несмотря на то, что число жителей БССР составляло 5% от жителей СССР, роль республики в покрытии потребностей в информационных технологиях была определяющей и составляла до 50% [9].

По мнению генерального директора альянса компаний «Группы ИВА» С. Левтеева, потенциал ИТ-индустрии в Беларуси изначально превосходил внутренние потребности республики, поэтому она стала в основном экспортоориентированная. Это означает, что созданный белорусскими специалистами программный продукт является зарубежным, т.к. авторские права законодательно не закреплены и не могут быть проданы в виде лицензий, патентов либо других объектов интеллектуальной собственности.

За рубежом существуют специализированные крупные корпорации, существующие на огромные дивиденды, которые исчисляются в миллиардах долларов, от продаж лицензий, патентов и пр. Белорусские ИТ-компании ориентируются на практическое внедрение и на сервис клиентов, оставляя прерогативу разработки фундаментальных вопросов академическим вузам и отраслевым научным учреждениям. Стратегической задачей развития информационного общества в Республике Беларусь является создание необходимой инфраструктуры, объединяющей потребителей, бизнес, науку и законодательство на уровне правительства. И хотя главные вехи, указывающие направление показателей инфраструктур уже ясны, говорить о совершенном информационном обществе в Республике Беларусь еще преждевременно.

Список цитированных источников

1. См.: Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. – N.Y., 1973.
2. Bell, D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. – 1967. – № 7. – P. 102.
3. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – Режим доступа: <http://lib.ru/ECONOMY/inozemcew.txt> – Дата доступа: 17.03.2011 г.
4. Иванов, Д.В. Виртуализация общества. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 96 с.
5. Еляков, А.Д. Информационный тип социального неравенства // СОЦИС. – 2003. – № 10. – С. 95–101.
6. [Электрон. документ] – Режим доступа: http://www.comscore.com/Press_Events/Press_Releases – Дата доступа: 10.03.2011 г.
7. Измерение информационного общества, 2010 год. – Режим доступа: www.un.org/ru/ecosoc/itu/di.shtml – Дата доступа: 10.03.2011 г.
8. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.volk.by/content/v-belarusi-uvlichivaetsya-kolichestvo-internet-polzovatelei-i-menyatsya-ikh-struktura> – Дата доступа: 14.10.2009 г. Опубликовано admin в 14 Октябрь, 2009 – 11:37.
9. [Электрон. документ] – Режим доступа: <http://www.belinter.net/> – Дата доступа: 09.02. 2011 г.
10. Internet World Stats, 2010. [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.belinter.net/story2/belarus-po-urovnyu-proniknoveniya-interneta-obognala-rossiyu-kitai-ukrainu-i-gruziyu> – Дата доступа: 10.03.2011 г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ «ОБЩЕСТВА РИСКА» И СОВРЕМЕННОЕ БЕЛОРУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Широканов Д.А.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Многие социологи определяют современное состояние, в котором пребывает глобальный социум, как «общество риска» [1; 2; 3; 5]. Согласно теориям, получившим известность в конце XX в., эпоха позднего модерна и постмодерна в корне порывает с предшествующей эпохой: она безвозвратно разрушает былую стабильность и устойчивость существования, будь то в экономике или политической сфере, в результате

чего ни одна страна, ни одно поколение, ни один человек больше не застрахованы от неожиданностей и неопределенностей, таящихся в новейшей технологии, в состоянии экологии, сфере труда, современных международных отношениях.

К создателям данной концепции относят таких известных ученых, как немецкие социологи У. Бек и Н. Луман, английский социолог Э. Гидденс, российский автор О. Яницкий и др. Ключевым аспектом концепции является тезис, что современное общество, которое в других теориях называют информационным, постиндустриальным, постмодерном и т.д., является одновременно и обществом риска.

В признании рискогенности современного общества заключается исходная позиция для понимания вызовов и угроз, возникающих перед человеком и человечеством в начале XXI в., и их существенного воздействия на сложные системы взаимосвязи человека, техники и окружающей среды.

Современный человек неизбежно обречен на постоянное столкновение с различными индивидуальными угрозами и рисками на протяжении своей жизни. То же самое применимо к социальным институтам, общностям, включая современное государство, которое сталкивается с рисками и угрозами на международном уровне. По мнению У. Бека [1, с. 9], мы живем в «обществе риска», находящемся в стадии перехода от первой фазы эпохи модерна ко второй его фазе. Иными словами, мы переживаем трансформацию индустриального общества в постиндустриальное, для объяснения которой нужны новые теоретические схемы объяснения социальных изменений. Общество нуждается в новом научном языке для понимания того, что произошло, почему риск стал неизбежной частью нашей жизни. По мнению Гидденса, Лумана, Бека, нужна также новая парадигма развития общества как парадигмы риска: только использование парадигмы риска в качестве фрейма (рамки анализа), мы не будем ошибочно считать, что обществу удастся избежать тех или иных радикальных преобразований как на региональном, так и глобальном уровнях.

Проблемы общества риска связаны с необходимостью предотвращения систематически возникающих в процессе модернизации разнообразных опасностей для «нормального» функционирования общества, с ограничением разрушительных последствий уже реализованных в практике рисков. Так, У. Бек озабочен тем, чтобы в условиях научно-технических инноваций и глобализации общество сохранило экологические, медицинские, социальные нормы своего развития. Он подчеркивает, что опасности и риски стали неизбежными: это неотъемлемая часть современного развития, результат конфликтогенности современной социально-политической структуры, а также особенность научно-технического развития. Обществу ничего не остается, кроме как признать рискогенный характер своего развития и попытаться не только своевременно обнаруживать новые риски и угрозы, но и управлять рисками, минимизировать их, отыскивать способы их разрешения [1, с. 23].

Анализируя рискогенность современного общества, авторы выделяют несколько аспектов, которые, по нашему мнению, в полной мере применимы и к системе взаимодействия человека с окружающей его средой (и первой, природной, и второй, техногенной): (1) риски, продуцируемые высоким уровнем развития производства (радиоактивные отходы производства, вредные вещества, загрязняющие среду обитания; генномодифицированные продукты). Эти риски зачастую остаются неизвестны широким слоям населения, а иногда и общественности: о них знают те эксперты, которые связаны с этими производствами и которые поэтому не заинтересованы в обнародовании информации о данных рисках; (2) риски модернизации (они зачастую непредсказуемы, а потому их нельзя рассчитать). От этих рисков никто не защищен: богатство не спасает от экологических и технических катастроф; (3) цивилизационные риски, связанные с экономическим и техническим развитием современного общества

и желанием масс больше потреблять, не задумываясь об ограничениях, обусловленных необходимостью бережного отношения к природным богатствам; (4) риски, связанные с неразвитым сознанием, с малой степенью осознанности рискогенной ситуации и незнанием путей решения проблем; (5) рост антиглобализма как потенциальной угрозы политических рисков. Акцент лишь на научно-технических решениях накопившихся проблем может привести к политическим катастрофам, реорганизации власти. Все это, вместе взятое, означает у Бека, что общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение [1, с. 27], а безопасность – главной ценностью.

Н. Луман рассматривает риски сквозь призму бедствий и опасностей. Он акцентирует внимание на восприятии рисков, что, по его мнению, является не психологической, а социальной проблемой. Поскольку в современном обществе на первый план выдвигаются вопросы о том, кто принимает решения и каким образом риск можно принимать в расчет, постольку к вопросам о восприятии риска и его оценке добавляется проблема «выбора рисков», детерминированная социальными факторами [3, с. 211]. По мнению Лумана, современное общество способно понять, какие изменения вызываются его собственными структурами и каких последствий можно ожидать от этого в будущем. В таких случаях минимизация рисков зависит от того, какие мы примем решения. Будущее – это форма вероятности, поэтому современное общество переживает свое будущее, беря на себя риск принимаемых сегодня решений.

В теории общества риска английского социолога Э. Гидденса риск выступает «ключом к пониманию базовых характеристик современного мира» [2, с. 17]. Гидденс выделяет два вида риска: (1) внешний по отношению к обществу, который связан с объективными законами природы, (2) производный, который создается деятельностью человека. В сложных системах, где взаимодействует человек и техника, могут иметь место риски обоих видов, слияние которых резко усложняет возможность их понимания и регулирования.

Гидденс назвал современное общество «поздним модерном» и в качестве его основных характеристик указал на неопределенность, непостоянство, нестабильность. Для выживания в таких условиях каждый человек должен стать более динамичным, а социальная политика государства – более гибкой [2]. Гидденс подчеркнул, что развитие современного общества может привести к непредсказуемым последствиям.

Сегодня не все ученые согласны с утверждением, что человечество не может достоверно и в полном масштабе предвидеть и тем более предотвращать новые «риски». Однако и трагические события 11 сентября 2001 г. в США, и недавняя катастрофа на атомной электростанции Фукусима в Японии, последовавшая вслед за цунами 11 марта 2011 г., и многочисленные (и непредсказуемые) вооруженные конфликты в Африке и Азии подтверждают правоту теории Гидденса. Угрозы разного рода и вызовы современной эпохи предельно обострились, более того, они вселяют панику и ужас в сознание многих людей во всем мире.

Риски существуют в любом обществе, поэтому системы взаимодействия человека и техники всегда несли потенциальную угрозу социуму (наряду с возможностями технического совершенствования среды обитания). В традиционном обществе риски были преимущественно связаны с факторами природного характера (природные катаклизмы, неурожай, эпидемии). В эпоху индустриализации к ним добавились новые риски, создаваемые активностью человека в сфере производства (главным образом, ее ошибками). В любом индустриально развитом обществе социальное производство богатства также приводит к возрастанию рисков (в том числе в функционировании человеко-машинных систем), которые могут вести к росту неравенства и новым социальным конфликтам, подрыву демократии и т.д. [4]. В конечном счете, серьезные про-

счеты в функционировании современных социально-технических систем расшатывают общественный порядок. Пример тому – Чернобыльская катастрофа. Начавшись как чисто «техническая проблема», спровоцированная «человеческим фактором» (ошибками в работе персонала, обслуживающего атомную станцию), эта авария внесла немалый вклад в развал всей советской социально-политической системы, т.к. обнажила многие ее слабые места и продемонстрировала неспособность системы к саморазвитию в условиях нового этапа НТР, роста глобальной конкуренции и т.д.

Остается актуальной и военная угроза, напрямую связанная с управлением сложными техническими системами. Хотя холодная война ушла в прошлое, противостояние блоков, стран сохранилось, военные арсеналы не исчезли. Ввиду огромного прогресса военной техники, чрезмерно усилилась ответственность политиков, принимающих решения о войне и мире на государственном уровне. Крах социализма не сделал обстановку в мире намного более безопасной. Уровень глобального риска не снизился: уже после развала СССР были развязаны войны в Ираке, Афганистане, где не только продолжают гибнуть люди, но и постоянно проверяется слаженность функционирования военной техники и человека.

Современные риски периода постсоветской модернизации связаны с историческими особенностями прежних этапов развития нашего общества (тоталитаризм), а также нынешней необходимостью одновременного решения разноплановых задач (демократизация, построение правового государства, борьба с финансовыми кризисами, социальная защищенность граждан в условиях глобальной нестабильности), которые потенциально способны усиливать технические, экономические и социальные риски [5].

Теории общества риска блестяще показали, что современное общество по своей природе рискогенно и потому не дает возможности избежать всевозможных рисков. Развитие человека и общества позволит лишь заранее предвидеть сложности современных рисков, оно может внести вклад в минимизацию рисков, но не элиминировать риски – ни собственно технические, ни собственно человеческие и экологические. Человечество обречено на постоянное существование в рамках риска. Остается понять эту закономерность и строить человеческую деятельность с ее учетом.

Неотъемлемой чертой общества риска является рефлексивность, т.е. способность осознать складывающуюся ситуацию, видеть ее как бы со стороны, осмысливать появляющиеся возможности развития и условия, необходимые для следования тем или иным путем. Без развития рефлексивной способности общества было бы очень трудно отыскивать, определять пути дальнейшего существования человечества. Именно данная способность к рефлексии делает возможным сохранение человечества на базе признания и упрочения таких базовых экологических ценностей, как признание самоценности природы, бережное отношение к ее многообразию, умеренность в потреблении природных богатств и т.п. Отказ от этих базовых экологических ценностей был бы равносителен самоубийству. Однако их глубокое осознание, тем более принятие практических шагов по укреплению данных ценностей, пока еще представляются скорее желаемым, нежели осуществленным действием. Человечество достигло пределов использования природных ресурсов, оно подвластно множеству рисков, и главное теперь – не потерять время, чтобы трансформировать модус существования в рамках парадигмы рисков.

Последнее в полной мере приложимо и к Беларуси, которая отвечает критериям общества риска и поему должна сознательно сберегать базовые ценности, которые позволяют сохранять баланс общества и природы, а, следовательно, выживать и развиваться дальше.

Список цитированных источников

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004.
3. Луман, Н. Теория общества // Теория общества. Сборник. / Под общ. ред. А.Ф. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999. – С. 196 – 235.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: Издательство АСТ, 2002.
5. Яницкий, О.Н. Россия: риски и опасности «переходного общества». – М.: Институт социологии РАН, 1998.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Эйдуkene Даля

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

Трудно не согласиться с наблюдениями известного американского финансиста Джорджа Сороса, что в современном мире все больше людей руководствуются корыстными мотивами в качестве морального принципа и признают за деньгами значение самодовлеющей ценности. Это коррумпирует политику и служит аргументом в пользу «предоставления рынкам еще больше свободы». Система мирового капитализма позволила рыночному механизму и мотиву получения прибыли проникнуть и в те сферы деятельности, «которые раньше не считались экономическими, такие как культура, политика и профессиональные знания», и претендовать на удовлетворение даже общественных потребностей, которые не могут быть удовлетворены путем предоставления полной свободы рыночным силам [8, с. С. XVII, XXIII, 93, 115, 127, 225-226, 256].

Происходит стремительное расширение зоны товарно-денежных отношений. В результате приватизации в рыночный оборот вовлекается общечеловеческое и национальное достояние. «Научно-технический прогресс, – считает В. М. Колонтай, – привел к самостоятельному юридическому оформлению интеллектуальной собственности (патенты, лицензии и т. п.), которые все чаще становятся предметами купли-продажи. Аналогичный процесс (хотя в меньших масштабах) наблюдается с правами на загрязнение окружающей природной среды». Причем к началу XXI в. развитые страны владели 97% патентов в мире, и на их долю приходилось свыше 90% трансграничных доходов от патентов и лицензий» [5, 12].

Функционирующая в глобальных масштабах, экономика упраздняет «инвестиционные препоны» в виде экологического, социального и налогового регулирования. В дебрях глобального производства транснациональные предприятия способны самостоятельно определять место для инвестиций, для производства, для уплаты налогов и для жительства, противопоставляя их друг другу [1, с. 13]. Возникают мощные экзогенные связи и зависимости, интегрирующие отдельные элементы общества в глобальные сетевые структуры, представляющие собой комплексы взаимосвязанных узлов. В результате подрываются основы национальной экономики и национального государства, которое все меньше контролирует валютные курсы, денежные, информационные или товарные потоки и т. д.

В результате возрастающей «проницаемости» межгосударственных границ и ослабления традиционных функций государства (особенно в сфере безопасности и социальной защиты населения) происходит эрозия его суверенитета. «Свободный рынок, – отмечает Генри Киссинджер, – восторжествовал почти повсюду, а Интернет связывает воедино различные части глобальной экономики в режиме реального времени. <...> правительства ограничивают свои полномочия, направляя их на облегчение деятельности рынка, а не на его регулирование. Экономический рост и создание новых рабочих мест в беспрецедентной мере отдаются на откуп свободному предпринима-